

Среди перегородчатых эмалей, украшающих Пала д'Оро в соборе св. Марка в Венеции, имеется одна, на которой увековечена императрица Ирина⁴⁴. Это изображение относится к XI в., т. е. оно современно «Богоматери Оранте». Неясно, какое отношение имел к императрице венецианский дож Орландо Федер, изображение которого стояло рядом с ней. Здесь первоначально должен был быть ее муж, Алексей Комнин или Иоанн II Комнин. Пластинка с перегородчатой эмалью очень привлекательна. Образ императрицы принадлежит подлинному искусству.

Изображение императрицы Ирины может рассматриваться как портрет, но в этом портрете нет никакого сходства. Здесь воплощен тип императрицы, который мы видим в лицах Феодоры, Зои и Марии. Богоматерь наделена всеми признаками человеческой красоты, императрица стоит без движения или какого-либо жеста, как идол, достойный поклонения. Подобные портреты императриц есть в мозаиках собора Св. Софии.

Стоящая фигура «вписана» в форму вытянутого прямоугольника с закруглением наверху. Чопорность и церемонность настолько доминируют, что не дают ей возможности двигаться. Византийская условность в высшей степени! Она похожа на женские фигуры, украшающие греческие лекифы V в. до н. э.⁴⁵ Но византийский портрет отличается своеобразной красочностью. Ткани одежды покрыты мелким узором. Лицо обрамляют черные волосы. Мелкий узор — кружочки, квадратики и птички — разрушает единство формы. Пара колонн и арка также украшены мелким узором. Одежда императрицы голубоватая, с золотыми узорами. Она плотно закрывает всю ее. Императрица стоит, как в футляре. Даже щит с крестом плотно прилегает к ее корпусу. Руки сливаются с телом. Быть может, в этом есть нечто от восточного искусства. Эмалевая техника представляла загадочное искусство византийцев.

Византийская живопись в эпоху Македонской династии изменила свой характер. Прошла борьба иконопочитателей с иконоборцами, Никейский собор постановил укреплять изобразительное искусство.

В мозаиках Дафни можно видеть образцы евангельских сюжетов: Благовещение, Рождество Христово, Крещение, Вход в Иерусалим, Распятие и другие. Самое сильное впечатление производит Крещение с прекрасным обнаженным телом Христа в центре композиции.

Большие глаза святых обращены к зрителю. На всем происходящем лежит отпечаток значимости событий. Каждый сюжет как бы является заветом катехизиса. Все композиции в Дафни отличаются большой теснотой расположения фигур в пределах одной сцены. Но все же нельзя согласиться с предложенным А. Грабаром определением мозаик Дафни как выражения «академизма»⁴⁶.

Достаточно взглянуть на отдельные лица, чтобы убедиться в том, что они составляют наиболее зрелое создание византийской живописи. Возьмем лицо Езекиила, одного из библейских пророков. Само лицо его с открытым взглядом больших глаз, его беспокойные кудри свидетельствуют о том, что это — древний пророк. И никакие прориси и образцы не могли бы служить мастеру в качестве примера для подражания.

Мозаика передает светлые и темные части светотенью. В этом смысле Езекиил соответствовал типу лиц, который принят был у итальянских художников Возрождения. Для примера можно взять портрет Якопо Соранцо Я. Тицторетто в венецианской Академии. Венецианский мастер строит свой образ на тех же приемах, что и в мозаике с изображением Езекиила. Но тот выполнен мозаикой, как современный плакат, он рассчитан на украшение стены, а портрет Соранцо написан маслом, рассчитан на рассмотрение с близкого расстояния.

В одной из мозаик Дафни представлена «Молитва Иоакима и Анны». Композиция этой мозаики не безупречна. Сравнивая ее с мозаикой в Ках-

⁴⁴ Lorezini G. La Pala d'Oro di San Marco. Firenze, 1965, pl. 3.

⁴⁵ Charbonneau J. Grèce classique. P., 1969, fig. 284.

⁴⁶ Grabar A. Op. cit., p. 145.